
Патрушев Сергей
Королева.
Кольцо империи

Сергей Патрушев

Королева. Кольцо империи

https://litres.ru/74710248
SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла в город грязи и золота ни с чем, кроме смеха и запаха персиков. Мужчины бросали к её ногам империи, а женщины — горшки с нечистотами.

Лили не просила корону, но её «магия обаяния» оказалась страшнее чумы: она заставила мужчин резать глотки за улыбку, а женщин — рыдать от собственной ничтожности.

Теперь она — Хозяйка Зимы, облачённая в доспехи из застывшего света. Её корабль режет северные льды, а за спиной стоит Лорд Кейн, готовый сжечь мир ради её прихоти.

Но в Ледяных Клыках спит нечто, что древнее самой магии. И когда Лили коснётся этого льда, мир поймёт: её слёзы были лишь прелюдией к апокалипсису.

Содержание

Глава 1. Рождение легенды 4
Глава 2. Сделка с Райном 19
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Сергей Патрушев
Королева. Кольцо империи

Глава 1. Рождение легенды

Солнце над Аранхольмом стояло в зените, превращая каменную брусчатку рыночной площади в раскалённую сковороду. Воздух дрожал от зноя, густо пропитываясь запахами жареной баранины, сладкого инжира, конского пота и нечистот, что лениво текли по сточным канавам. Торговцы надрывали глотки, зазывая покупателей, ослы истошно ревели, где-то вдалеке плакал ребёнок, но этот хаос казался лишь глухим, монотонным гулом, фоном для одного-единственного человека.

Лилиан, для своих просто Лили, скользила сквозь толпу, словно прохладный ручей сквозь сухую глину. Ей было двадцать пять, и природа, создавая её, явно находилась в состоянии редкого, почти божественного вдохновения. Она не шла — она плыла, и каждое её движение было исполнено ленивой, хищной грации большой кошки. Длинные волосы цвета старого, выдержанного мёда струились по спине тяжёлой волной, ловя солнечные блики и превращая их в жидкое золото. Но главным был не цвет волос и не точёная, почти античная линия скул. Главным были её глаза. Огромные, цвета

расплавленного янтаря, они не просто смотрели — они впитывали собеседника, заставляя его чувствовать себя единственным мужчиной или единственной женщиной на свете, центром вселенной, ради которого в этот самый миг останавливается время.

На ней было простое льняное платье цвета пыльной лаванды, без единого украшения, сшитое так искусно, что оно не скрывало, а лишь подчёркивало изгибы её фигуры. Никакой косметики и фальши. Её кожа, тронутая лишь лёгким загаром, светилась изнутри.

Она остановилась у прилавка старой Марты, торговки персиками. Марта, женщина с лицом, похожим на печёное яблоко, и руками, способными гнуть подковы, славилась на весь рынок своей несговорчивостью. За перезрелый фрукт она могла обругать так, что уши сворачивались в трубочку, а за свежий брала медную монету с таким видом, будто отрывала от сердца фамильное серебро.

Лили подошла к прилавку. Марта, уже открывшая рот, чтобы привычно рявкнуть на зеваку, загородившего обзор, вдруг осеклась. Словно натолкнулась на невидимую, но мягкую и упругую стену.

— Персики у тебя сегодня пахнут так, что сводит скулы, Марта, — сказала Лили. Голос у неё был низким, с легкой, едва уловимой хрипотцой, от которой по спине пробегали мурашки. — Но солнце сегодня безжалостно. К вечеру они станут слишком мягкими для твоих постоянных покупате-

лей.

Марта моргнула. Она хотела сказать, что персики у неё каменные и простоят так ещё три дня, но вместо этого услышала собственный голос: — Для тебя, золотце, отдам за полцены. Те, что справа, они ещё прохладные, только утром из ледника.

Лили улыбнулась. Это не была заученная кокетливая улыбка уличной девки или вежливая гримаса аристократки. Это была тихая, искренняя радость человека, который увидел что-то прекрасное и решил этим поделиться. Уголки её губ дрогнули, обнажая ровный ряд белых зубов, а в янтарных глазах на долю секунды вспыхнули крошечные золотые искры.

— Ты слишком добра ко мне, Марта. Я возьму три. И вон тот, самый румяный, положи моему старому знакомому, трубочисту Гансу, когда он пойдёт мимо. Скажи, что это от феи пыли.

Марта, сама не понимая, что делает, завернула четыре отборных персика в чистые листья лопуха, перевязала бечевкой и протянула Лили. — Бери, бери, — пробормотала она, чувствуя странную, непривычную лёгкость в груди, словно только что совершила самый важный и правильный поступок в своей жизни.

Лили бросила на прилавок две медные монеты. Цена была даже меньше половины. — Сдачи не надо, Марта. Купи себе новую шаль, эта уже выгорела.

Она развернулась и пошла дальше, откусывая от персика большой, сочный кусок. Сок тонкой струйкой потёк по её подбородку.

Вокруг неё пространство меняло свои свойства. Мужчины — грузчики с широченными спинами, подмастерья с грязными руками, надменные сыновья купцов в шелковых камзолах замирали на полушаге. Вилки с кусками жаркого застывали на пути ко рту. Разговоры обрывались на полуслове. Они смотрели на неё, и в их взглядах не было пошлой животной похоти, которая обычно читалась на рыночной площади. Это было чистое, почти молитвенное обожание. Им казалось, что мимо них прошла не женщина из плоти и крови, а ожившая мечта, сошедшая с витража древнего собора. Каждый из них в эту секунду был абсолютно уверен, что если бы она только взглянула на него ещё раз, если бы только поманила пальцем, он бы бросил семью, дело, родину и пошёл за ней на край света, босиком по раскалённым углям.

Женщины смотрели иначе. Торговки, разносчицы воды, жёны ремесленников провожали её тяжёлыми, тёмными взглядами. В них не было ненависти к человеку. Была чёрная, густая зависть к самой материи, из которой была сотканы Лили. Они видели, как старый жестянщик, человек сварливый и скупой, сам, без единого слова, отдал ей за бесценок медную флягу, лишь бы она коснулась его руки своими бледными пальцами. Они видели, как суровый городской стражник, проверяющий торговые лицензии, забыл оштрафовать

зеленщика, потому что Лили просто поправила воротник его форменной куртки.

— Ведьма, — прошипела сквозь зубы торговка тканями, глядя, как Лили исчезает в тени арки. — Околдовала. — Дура, — беззлобно отозвалась её соседка, торговка лентами. — Это не ведьма. Просто Лили. Ей так можно.

Лили знала об этой своей особенности с раннего детства. Она не называла это магией в том смысле, в котором седобородые старики в пыльных башнях читали заклинания над котлами с бурлящим зельем. Для неё это было сродни абсолютному слуху или врожденному чувству равновесия. Она просто видела людей насквозь, как стекольщик видит трещину в стекле. Видела их страхи, тайные желания, постыдные мысли и их потаённую доброту.

Её «магия обаяния» работала не как приказ, а как предложение. Она не ломала волю человека а лишь приоткрывала перед ним дверь в ту версию реальности, где он был счастлив, добр и свободен. Показывала суровому стражнику образ его больной дочери, которой он несёт медную игрушку, сэкономив на штрафе. Показывала старой Марте образ себя самой — молодой, красивой и щедрой, какой та была сорок лет назад. Люди соглашались войти в эту дверь добровольно, потому что Лили дарила им лучшее, что в них было, и позволяла этому лучшему на мгновение взять верх над ежедневной грязью выживания.

Она нырнула в прохладный полумрак арочного прохода,

ведущего к порту. Шум рынка остался позади, сменившись криками чаек, скрипом корабельных мачт и протухшей рыбы. Здесь, среди бочек с солониной и тюков с пряностями, её власть ослабевала. Моряки, пропахшие солью, ромом и чужими портами, видели в жизни слишком много настоящего ужаса и настоящего чуда, чтобы разменяться на земную женскую красоту.

Лили шла к старой таверне «Утонувший якорь». Деревянная вывеска над входом, изъеденная древоточцами, уныло скрипела на ветру. Это было место, куда не заходили приличные горожане. Здесь пили дешёвый ром, резались в кости, нанимались на самые гнилые посудины и продавали краденое.

Она толкнула тяжёлую дубовую дверь. В лицо ударила волна спертого воздуха, густого запаха кислого вина, табачного дыма и немытых тел. В полутёмном зале, освещённом лишь тусклыми сальными свечами, на мгновение повисла тишина. Десятки мутных, налитых кровью глаз уставились на фигуру в лавандовом платье.

Лили не смутилась. Она знала, что здесь её «магия обаяния» не заставит этих людей разлюбить деньги или простить долг. Здесь её дар работал иначе — как щит. Она излучала такое абсолютное, непоколебимое спокойствие и внутреннее превосходство, что насилие в её присутствии казалось чем-то нелепым, грязным и недостойным. Никто не хотел выглядеть недостойным в глазах этой девочки.

Она прошла через прокуренный зал к дальнему столу, за которым в одиночестве сидел человек. Он был огромен. Его плечи едва не упирались в низкий потолок таверны, а руки, лежавшие на столешнице, напоминали два окорока. Чёрная с густой проседью борода скрывала почти всё лицо, оставляя лишь блеск внимательных, умных глаз и широкий, перебитый в нескольких местах нос. Одет он был в простую кожаную безрукавку, открывающую руки, покрытые густой сетью шрамов и синей тюремной татуировкой — якорем, оплетённым змеей. Это был Барго, бывший квартирмейстер Чёрной эскадры, человек, который лично перерезал глотки полусотне пленных и мог голыми руками завязать подкову узлом. Говорили, что у него нет нервов, а вместо сердца — кусок мореного дуба.

Барго медленно поднял на неё взгляд. В таверне, казалось, стало ещё тише. Все ждали крови. Никто, даже самый пьяный матрос, не смел подсаживаться к Барго без приглашения. А уж чтобы к нему подошла женщина, похожая на королевскую фаворитку… Это было за гранью понимания.

— Ты пахнешь персиками, — пробасил Барго. Его голос был похож на рокот камнепада в тесной пещере. — И лавандой. Какого дьявола тебе здесь нужно, девочка? Здесь место крысам, а не феям.

Лили села на грубый табурет напротив него. Дерево жалобно скрипнуло под её весом. Она положила перед ним на стол один из купленных персиков.

— Ты не ел три дня, — сказала она просто. — Трактирщик сказал, что ты вчера проиграл в «пьяного матроса» последние медяки, а сегодня пытался заложить свой кортик, но даже ростовщик побоялся его брать. Слишком приметный клинок.

Барго не пошевелился. Его маленькие глазки буравили её, пытаясь найти в безупречном лице хоть каплю страха или лжи. Не нашёл.

— Стукачка? — предположил он. — Или шлюха, ищущая богатого папика? Так я не богат. И папик из меня паршивый.

— Я не стукачка, Барго. И не шлюха. Я — Лили. И мне нужен корабль.

По залу пронесся едва слышный вздох. Просить у Барго корабль — всё равно что просить у нищего корону. Бывший квартирмейстер не владел судами. Он знал, где их взять, как угнать и как быстро продать на доски, но это было совсем другое.

— Тебе? — Барго хрипло рассмеялся, и смех его был похож на кашель тяжелобольного. — Корабль? Может, тебе ещё и Южный архипелаг в приданое? У тебя юбка из тонкого льна, ты на ветру порвёшься. Иди к губернатору, поплачь. Он даст тебе баркас и двух стражников для охраны твоей невинности.

Лили взяла персик и начала медленно, не сводя с него глаз, очищать его пальцами от бархатистой кожицы.

— Южный архипелаг мне не нужен, Барго. Мне нужно на

север. К Зубьям Левиафана. И мне нужно уйти из порта сегодня, через час, до заката. До того, как начальник порта получит депешу из столицы.

Барго перестал жевать свой кусок жесткой солонины. Его рука, способная сломать шею быку, замерла в воздухе. — Депешу? — переспросил он тише. — Какую депешу?

— С синей печатью, — Лили сняла последний лоскуток кожицы и надкусила сочную мякоть. — О моём аресте. За государственную измену. И за кражу «Сердца Короля».

В таверне «Утонувший якорь» воцарилась абсолютная, мёртвая тишина. Даже крысы, казалось, перестали шуршать в соломе под полом. Барго медленно положил вилку на стол. Звук металла о дерево прозвучал как выстрел.

— Ты больная, — выдохнул он. — «Сердце Короля» — это миф. Сказка для дураков. Алмаз размером с кулак младенца. Его не существует.

— Он существует, — Лили слизнула сок с пальца. — И он сейчас лежит в моём дорожном мешке, под кроватью в дешёвых комнатах на улице Ткачей. Он тяжёлый, Барго. И он светится синим в темноте. Красивая, но абсолютно бесполезная вещь, если не знать, как её разбить. А разбить его может только кровь дракона.

Барго смотрел на неё долго, очень долго. Он видел перед собой безумную девчонку. Или самую опасную женщину, которую когда-либо встречал в своих плаваниях от Огненных островов до Ледяных фьордов. Видел её «магию оба-

яния», но она не действовала на него так, как на других. Не чувствовал желания поклоняться ей. Чувствовал холодный, профессиональный интерес хищника к другому хищнику. Она не пыталась его очаровать а просто констатировала факты, и эти факты пахли виселицей.

— Зубья Левиафана, — повторил он. — Там нет воды. Там вечный туман, скалы перемалывают дубовые корпуса, как орехи. Живут ледяные ведьмы, которые вынимают душу из моряков ещё до того, как корабль разобьётся о рифы. И ты, в своём лавандовом платье, хочешь туда попасть?

— Я хочу туда попасть до того, как королевские ищеек с собаками перевернут этот город вверх дном, — голос Лили стал жёстким, в нём пропала всякая певучесть. — У тебя есть связи, Барго, должники в каждом притоне. Мне нужен капитан, которому плевать на королевский указ. Мне нужен корабль, который не числится в реестрах. И мне нужен попутный ветер.

Она достала из рукава маленький бархатный мешочек и бросила его на стол. Мешочек упал с тяжёлым, глухим стуком. Барго, не сводя с неё глаз, развязал тесьму. На грязные доски выкатились три крупных, безупречных изумруда. Каждый стоил годовой выручки этой таверны.

— Это задаток, — сказала Лили. — На покупку судна, которое не жалко сжечь. И на взятки. Остальное — когда мы минуем Северный маяк.

Барго сгрёб камни мозолистой ладонью. Он посмотрел на

изумруды, потом на Лили, свои руки. — Если это ловушка короны, малышка, — медленно произнёс он, — я успею перерезать тебе горло до того, как меня повесят. Но если ты не врёшь… Если у тебя в мешке действительно то, о чём я думаю… То виселица ждёт нас обоих, куда бы мы ни поплыли. Король не прощает кражу своих игрушек.

— Значит, нам нужно плыть туда, где нет короля, — Лили улыбнулась ему той самой улыбкой, которая часом ранее заставила Марту отдать персики даром. Но сейчас в ней не было мягкости. Была сталь. — Вольные воды начинаются за Зубьями. Там правит сила, Барго. А сила у нас теперь есть.

Барго долго молчал, перекатывая камни в ладони. Он думал о королевских палачах, ледяных туманах севера, о том, что его жизнь и так не стоила и ломаного гроша. А потом посмотрел на девушку, которая ела персик с видом королевы на приёме.

— Как называется корабль, который ты хочешь? — хрипло спросил он.

— У него ещё нет имени, — ответила Лили. — Мы назовем его «Рождение легенды». Или просто «Легенда». Звучит достаточно дерзко для самоубийц?

Барго впервые за весь разговор позволил себе подобие улыбки, обнажившей два ряда железных коронок. — Достаточно, — он встал, и его голова почти коснулась почерневших от копоти балок потолка. — Идём. У старого Пью в третьем доке гниёт кеч «Беглянка». Пью задолжал мне за ром

ещё с прошлого года. Он отдаст его за те камни, что остались. Дырявый, как решето, и воняет тухлой рыбой, но мачты крепкие.

Накинул на плечи тяжёлый просмоленный плащ. — У нас есть час, — бросил он через плечо, направляясь к чёрному выходу для торговцев контрабандой. — Если твои ищеек уже на хвосте, нас возьмут прямо у трапа.

Лили поднялась. Она бросила на стол медную монету — плату за вино, которое не пила и пошла за ним. Мужчины в таверне расступались перед ней, как расступается сухая трава перед плугом. Смотрели ей вслед, и в их глазах больше не было похоти. Был благоговейный ужас. Они только что видели, как Барго, человек-призрак, которого боялась половина портовых банд, стал мальчиком на побегушках у двадцатипятилетней девчонки с персиками.

Она вышла в душный вечерний воздух порта. Солнце уже начало клониться к горизонту, окрашивая воду в цвет запекшейся крови. Лили глубоко вдохнула запах соли и свободы. Камень в её мешке под кроватью тихонько пульсировал синим светом, вторя учащённому биению её собственного сердца. Игра началась, ставки в ней были выше, чем чья-либо жизнь. Ставкой была сама карта мира.

Старый Пью действительно оказался сговорчивым. Он был настолько пьян, что принял изумруды за крашеное стекло, а когда Барго, устав торговаться, просто сгрёб его за груд-

ки и прижал к переборке, старик подписал купчую, едва попадая пером в чернильницу.

«Беглянка» оказалась именно такой, какой её описывал Барго. Это была не красавица-яхта, скользящая по волнам а скорее рабочая лошадка, битая жизнью, штормами и равнодушием хозяев. Борта её были покрыты слоем зеленой слизи, в трюме стояла вода, а палуба под ногами Лили предательски прогибалась. Пахло здесь не лавандой, а вековой сыростью, мышами и отчаянием.

— Добро пожаловать домой, принцесса, — усмехнулся Барго, когда они ступили на борт. — Привыкай. Ближайшие пару недель спать будешь на голых досках.

— Я спала и на камнях, — Лили сбросила свой изящный дорожный плащ и без малейшего стеснения начала развязывать ленты на платье. — Прикажи матросам принести воды. И найди мне иглу с суровой нитью. Мои платья не приспособлены для бегства по верёвочным лестницам.

Барго крякнул, но распоряжения отдал.

Через час «Беглянка», переименованная на скорую руку в «Легенду» (вырезано ржавым ножом на старой доске и повешенной на корму), начала медленно выползать из дока. Барго лично встал к штурвалу. Команда состояла из семи человек — отпетых головорезов, которые нанялись за долю в будущем деле и те самые изумруды, что Барго пустил в оборот. Они не задавали вопросов. Им сказали, что они идут грабить затонувший галеон с пряностями. Этого было достаточно.

Лили стояла на носу корабля, вцепившись пальцами в мокрое дерево борта. Она переоделась в мужскую одежду — грубые холщовые штаны, кожаные сапоги и простую рубаху, которая, впрочем, на её фигуре выглядела не менее провокационно, чем придворный наряд. Ветер трепал её золотые волосы.

С берега, из-за пакгаузов, донёсся далекий, тревожный звук рога. Королевская стража. Они опоздали.

Лили улыбнулась ветру. Она чувствовала не страх, а пьянящий, звенящий восторг. Она украла главный символ королевской власти. Обманула лучшую службу безопасности королевства. И теперь она, никому не известная девчонка с рынка, уводит корабль из-под носа самого короля.

— Барго! — крикнула она, перекрывая шум волн и скрип снастей. — Какое течение самое быстрое из этой бухты? — Течение Сирены! — проревел в ответ гигант, крепче сжимая штурвал. — Но оно бросит нас прямо на Драконьи рифы! Даже в штиль оттуда не возвращаются!

— Значит, мы идем в шторм! — Лили запрокинула голову к темнеющему небу. — Лево руля! Полный ход! Покажи мне настоящую магию, квартирмейстер!

Барго оскалился в волчьей ухмылке и навалился на штурвал, выворачивая его влево. «Легенда» накренилась, зарываясь носом в волну, и с ускорением понеслась прочь от берега, навстречу чёрной стене грозового фронта, собирающегося над Зубьями Левиафана.

Позади, на пристани, метались огни факелов. Впереди ждала смерть. Лили закрыла глаза, позволяя солёным брызгам хлестать её по лицу.

Легенда не рождается в уютных дворцах. Легенда рождается в тот момент, когда кто-то решает, что законы, написанные другими, больше не имеют над ним власти. И Лили только что сделала свой первый шаг к бессмертию. Слово «Рождение легенды» перестало быть просто названием на корме. Оно стало приговором для старого мира и обещанием для нового. И где-то глубоко под её ногами, в наспех сколоченном деревянном ящике, «Сердце Короля» пульсировало ровным, неземным синим светом, словно второе сердце самого корабля, ведя их в пасть бури.

Глава 2. Сделка с Райном

Солёная вода не умеет хранить тайны. Она выдает их с первым же порывом ветра. К исходу третьих суток плавания «Легенда» пропиталась запахом страха. Он сочился из щелей рассохшихся палубных досок, висел густым туманом над кубриком, где матросы резались в кости, пытаясь заглушить тревогу звоном монет, и оседал на языке металлическим привкусом.

Буря, которую Лили призвала своим дерзким криком, оказалась не просто штормом. Это был гнев древнего океана. Небо слилось с водой в единую свинцово-чёрную массу, и лишь призрачные вспышки молний на мгновение выхватывали из темноты лица мертвенно-бледных матросов. Корабль, переименованный из дырявой «Беглянки» в гордую «Легенду», вёл себя именно как беглец. Он скрипел, стонал и, казалось, готов был развалиться на части от каждого удара волны.

Барго был богом в этом хаосе. Его обнажённый по пояс торс, покрытый шрамами и морской солью, блестел в свете фонарей. Он ревел команды, и его голос перекрывал рёв урагана. Когда мачта треснула, и огромный рей с грохотом рухнул на палубу, придавив двоих матросов, Барго прыгнул в месиво из щепок и тел с топором в руках. Он рубил такелаж, освобождая корабль от мёртвого груза, с яростью берсерка,

не чувствуя, как острый трос до кости рассёк ему предплечье.

Лили не помогала. В этом мужском, грубом мире смерти и выживания её место было иным. Она стояла на уцелевшем юте, привязав себя к стойке штурвала обрывком якорной цепи. Ветер рвал её волосы, ледяные брызги обжигали лицо, но она не отворачивалась. Она смотрела в самое сердце бури.

Внутри неё не было паники. Там, где обычный человек видел надвигающуюся смерть, Лили видела структуру. Она чувствовала, как давление падает перед ударом шквала, слышала изменение тональности в рёве ветра, предвещающее волну-убийцу. Не управляла штормом — это было бы слишком самонадеянно даже для её дара. Вела с ним диалог. Когда Барго, теряя сознание от потери крови, начинал уводить корабль влево, подставляя борт под удар, Лили кричала ему в ухо ровно те слова, которые заставляли старого пирата, вопреки логике выживания, переложить штурвал на правый борт. Она была его компасом и его совестью.

На четвёртый день море устало. Шторм выдохся, оставив после себя лишь тяжёлую, маслянистую зыбь и густой, непроницаемый туман. «Легенда» осталась без главной мачты, с половиной порванных парусов и пробитым в двух местах трюмом. Вода прибывала быстрее, чем два самых крепких матроса могли работать помпами.

— Если не найдём землю до заката, пойдём на дно, — прохрипел Барго, падая на колени у борта. Его трясло от ли-

хорадки. — Течь в носовой части. Мы её не заткнём. Нужен лес, гвозди и отдых.

Лили опустилась рядом с ним. Она промокла насквозь, её мужская рубаха прилипла к телу, но глаза горели прежним янтарным огнём. — Земля будет, — сказала она. — И лес будет. И люди, которые забьют наши дыры золотом, если мы попросим правильно.

Барго хотел огрызнуться, но у него не осталось сил. Он лишь сплюнул за борт вязкую, солёную слюну.

Туман начал редеть к полудню, и сквозь серую муть проступили очертания скал. Это был не зеленый, гостеприимный берег материка. Это были Зубья Левиафана — архипелаг острых, как бритва, базальтовых островов, торчащих из воды, словно клыки доисторического чудовища.

Они вошли в узкий фьорд, где вода была чёрной и неподвижной, как смола. Воздух здесь пах иначе — не солью, а серой, горячей смолой и чем-то пряным, сладковатым, напоминающим запах распадающих орхидей. На одном из утёсов, венчая собой самую высокую точку острова, стоял дом. Это была не лачуга рыбака и не форт контрабандистов. Это было приземистое, массивное строение из чёрного вулканического камня, больше похожее на крепость или храм, с плоской крышей, на которой вился лёгкий дымок.

— Райн, — выдохнул Барго, вглядываясь в берег через подзорную трубу. Его голос, несмотря на лихорадку, зазвенел от смеси ненависти и почтения. — Старый паук. Я ду-

мал, его вздёрнули в Вельдане лет пять назад за торговлю императорскими секретами. — Как видишь, нет, — Лили уже спускалась в шлюпку, которую наскоро спустили за борт. — Он слишком полезен, чтобы его вешать. Он знает, где купить то, чего не существует. Готовь мешок. Нам нужны доски, провизия и карты северных течений. И не вздумай торговаться. Торговаться буду я.

Лодка ткнулась носом в чёрный песок. Лили ступила на берег, и камни под её сапогами были тёплыми. Остров дышал жаром изнутри.

Дом Райна встретил их тишиной. Ни собак, ни слуг, ни стражи. Только тяжёлая дверь из железного дерева, окованная тусклым серебром. Лили постучала. Не кулаком — она просто коснулась двери кончиками пальцев, и по серебру прошла едва заметная волна, похожая на круги по воде.

Дверь отворилась сама.

Внутри царил полумрак и прохлада, благословенная после палящего солнца снаружи. Воздух пах сандалом, старым пергаментом и свежестью, как после грозы. Райн сидел в глубоком кожаном кресле у незажженного камина.

Он не был похож на купца. Купцы — это дородные, потные мужчины с перстнями на жирных пальцах. Райн был худым, почти изможденным. Его кожа имела странный пепельный оттенок, а глаза, лишённые белков, казались двумя осколками мутного льда. Был одет в безупречный шёлковый халат цвета запекшейся крови, который, однако, не мог

скрыть того, как сильно выпирают его ключицы. На пальцах не было ни одного кольца, на шее ни одной цепи. Единственным украшением была его абсолютная, мёртвая неподвижность.

— Барго, — произнёс Райн. Его голос не отразился от стен, он просто возник в головах вошедших. — Ты пахнешь смертью и неудачей. И ты привёл ко мне ребенка.

— Этот ребёнок вытащил твою шкуру из петли в Вельдане, старый змей, — прохрипел Барго, вваливаясь в комнату. Он тяжело опёрся о косяк. — У нас течь. Нам нужны доски. И карты. Мы заплатим.

Райн перевёл свой ледяной взгляд на Лили. Он смотрел на неё долго, очень долго, и девушка почувствовала, как по её коже пробежали мурашки. Это было не похоже на мужское внимание. Райн не видел её красоты. Смотрел сквозь неё, словно она была стеклянной. Смотрел на то, что скрывалось за фасадом.

— Ты пахнешь штормом, — сказал он наконец. — И ворованным солнцем. «Сердце Короля» бьётся в твоём кармане, дитя. Я чувствую его дрожь. Оно злится, что его вырвали из короны. Зачем ты пришла? Доски можно купить в любой таверне. У меня товар иного рода.

Лили шагнула вперёд. Она не пыталась его очаровать. По крайней мере, не так, как Марту на рынке. Сняла с плеча дорожный мешок, звякнувший тяжёлым металлом, и высыпала его содержимое на низкий столик из красного дерева.

По комнате разлился мягкий, пульсирующий синий свет. Изумруды, рубины, чёрная как ночь платина — это были не просто камни. Это были камни с королевских регалий, с эфесов парадных мечей, из ларцов храмов. Украденные не ради наживы, а ради возможности сделать следующий шаг.

— Это пыль, Райн, — Лили небрежно смахнула со стола горсть бриллиантов размером с перепелиное яйцо. — Плата за молчание и за дерево. Мне нужно другое.

Райн наконец пошевелился. Он медленно, со старческой грацией, протянул тонкую, похожую на птичью лапу руку и взял один из изумрудов. Поднёс его к лицу. — Пыль, — согласился он. — Но её много. Что ты хочешь, девочка, которая крадёт сердца королей и не боится дарить их шторма?

— Кольцо Магии, — ответила Лили.

Барго, стоявший за её спиной, замер. Даже его пробитое пиратское сердце пропустило удар. Легенды об этом предмете рассказывали в портовых кабаках шёпотом, когда вино было особенно крепким, а слушатели особенно пьяными. Говорили, что это кольцо не даёт владельцу магию. Оно её *понимает*. Переводит язык хаоса на язык разума. Тот, кто носит его, может видеть потоки силы, вплетать их в свои действия, делая невозможное — обыденным.

— Его нет, — Райн положил изумруд обратно. — Его не существует. Это сказка для недоучек из Академии.

— Оно у тебя в правом ящике стола, — Лили улыбнулась. — Под третьей половицей, которая чуть выше остальных. В

шкатулке из китового уса.

Райн моргнул. Его ледяные глаза впервые сфокусировались на лице Лили по-настоящему. В них промелькнуло нечто похожее на веселье. — Ты либо очень глупа, либо очень опасна. За это кольцо убивают целые династии. Оно стоит дороже, чем все камни на этом столе. Дороже, чем твоя жизнь, жизнь твоего громилы и этот дырявый корабль вместе взятые. У тебя нет столько золота во всем мире.

— Мне не нужно его покупать, — Лили обошла стол. Двигалась плавно, гипнотически, словно змея. Не касалась Райна, но воздух между ними стал густым и тяжёлым. — Я пришла предложить тебе сделку. Самую выгодную сделку в твоей жизни.

— Я не торгую артефактами, — отрезал Райн. — Я их храню. Я — склад для вещей, которые слишком опасны для людей. Кольцо лежит здесь сто лет. Оно спит. Я не разбужу его ради тебя.

— Оно не спит, Райн. Оно умирает.

Лили положила руку на столешницу. Там, где её пальцы коснулись дерева, по лакированной поверхности пошла тонкая сеть трещин, похожая на морозный узор. — Магия уходит из мира, — продолжила она, и её голос стал глубоким, вибрирующим, заполняя собой каждый угол комнаты. — Ваши старые фокусы, амулеты, зелья — всё это работает через раз. Кольцо питается потоками. Потоки иссякают. Ещё десять лет, и оно превратится в кусок мёртвого серебра с туск-

лым стеклом. Оно станет бесполезным.

Райн слушал. Его ноздри чуть дрогнули, вдыхая воздух. Он чувствовал правду в её словах. Артефакты действительно слабели.

— Я — новый поток, Райн, — Лили наклонилась вперёд, и теперь её янтарные глаза оказались в дюйме от его мёртвых глаз. — Я не беру магию а создаю. Я — катализатор. Отдай мне кольцо. Не продай. Отдай.

Она сделала паузу, позволяя тишине сгуститься. — Подумай. Сейчас это кольцо — твоя тюрьма. Ты сидишь на этом острове, в этой каменной коробке, потому что если ты вынесешь его на рынок, за тобой придут все разведки континента. Ты будешь охранять его до самой смерти, и оно сгниёт вместе с тобой в этой дыре. Это плохая сделка, Райн. Товар портится, а прибыли нет.

Лили выпрямилась. Она больше не пыталась давить. Просто смотрела на него с лёгкой, сочувственной полуулыбкой. — А теперь представь другую сделку. Ты отдаёшь мне вещь, которая теряет цену с каждым днём. Взамен ты получаешь нечто, что будет дорожать бесконечно. Ты получишь мою… благосклонность.

Она позволила своей «магии обаяния» коснуться его разума, но сделала это филигранно, как хирург вскрывает артерию. Не предлагала ему власть или богатство. Предлагала ему статус.

Райн был прагматиком, циником, человеком, который

продавал оружие обеим сторонам войны и спал сном праведника. Но даже у камней есть своя гордость. Лили показала ему картину: Райн — не просто торговец. Райн — меценат. Покровитель новой эпохи. Тот, кто *позволил* Лилиан, Деве Бури, получить инструмент для изменения мира. Его имя будут шептать не с ненавистью, а с благоговением. Он станет легендой не как вор, а как мудрец, сделавший правильный выбор в поворотный момент истории.

Лицо купца, до этого напоминавшее маску из воска, дрогнуло. На пергаментной коже выступил едва заметный румянец. Это было невозможно — у Райна не было крови в привычном смысле, он поддерживал жизнь в себе алхимией, но Лили видела, как в его груди разгорается искра тщеславия, которую никто не раздувал столетиями.

— Ты безумна, — прошептал он, но это уже не было утверждением. Это была мольба о подтверждении. — Я — прагматик, — мягко возразила Лили. — Предлагаю тебе очистить склады. Отдай мне Кольцо Магии, Райн. Скажи, что это была честь — помочь мне. Скажи, что лучшей сделки в твоей жизни ещё не случалось.

Райн долго смотрел на россыпь королевских драгоценностей. Затем его взгляд снова упал на лицо Лили. Он видел в ней бездну. Но эта бездна была тёплой.

Он медленно поднялся. Его шёлковый халат зашуршал, как сухие листья. Подошёл к своему столу, не отрывая взгляда от девушки. Его движения были механическими, словно

кукловод внутри него принял решение, а тело лишь исполняло приказ.

— Барго, — не глядя на пирата, бросил Райн. — Твои доски. Мои люди уже грузят их в твою лодку. Еда, вода, карты северных фьордов. Всё там. Это… подарок.

Барго хотел что-то возразить, но слова застряли у него в горле. Он просто кивнул, ошарашенно глядя на своего квартирмейстера, который только что получил провизию на королевском острове бесплатно.

Райн выдвинул ящик стола. Достал оттуда небольшую шкатулку из тусклого, маслянисто-чёрного китового уса. Щёлкнул замком. Внутри, на бархатной подушке цвета венозной крови, лежало кольцо. Оно не было массивным. Тонкий обод из металла, похожего на платину, но живого, чуть тёплого на вид. А вместо камня — идеально гладкая сфера из мутного, тёмного стекла, внутри которого, казалось, застыла капля ночной тьмы.

Райн взял кольцо двумя пальцами. — Оно обжигает дураков, — предупредил он. — И сводит с ума жадных.

— Я не жадная, — Лили протянула руку. — Голодная.

Она взяла кольцо. Металл коснулся её кожи, и по комнате пронёсся беззвучный вздох. Кольцо не обожгло. Оно *узнало* её. Мутное стекло в центре на долю секунды вспыхнуло ослепительно-белым светом, а затем снова потемнело, но теперь внутри него, глубоко в сердцевине, пульсировала крошечная золотая искра, в точности повторяющая цвет глаз Лили.

Райн отшатнулся, схватившись за край стола. Он смотрел на свою руку, которой только что касался артефакта, и на его лице был написан священный ужас. — Оно… оно поёт, — прошептал он. — Я слышу. Оно никогда не пело.

Лили надела кольцо на указательный палец правой руки. Оно скользнуло идеально, словно было выковано именно для неё. Золотая искра внутри стекла моргнула и успокоилась. — Спасибо за товар, Райн, — сказала она своим обычным, мелодичным голосом. — Ты только что вложился в будущее. Не разочаруйся, когда оно наступит.

Она развернулась и пошла к выходу. Барго, всё ещё не веря в бесплатную провизию, засеменил за ней, то и дело оглядываясь на застывшего купца.

Когда тяжёлая дверь из железного дерева закрылась за ними, отрезая их от прохлады дома, Барго схватил Лили за локоть на горячем песке. — Ты спятила? — зашипел он. — Доски — это понятно. Но Кольцо? Ты только что украла вещь, за которую нас будут искать все маги, короли и демоны преисподней. У нас уже есть алмаз, который светится! Теперь у тебя перстень, который поёт! Мы — ходячая мишень!

Лили остановилась. Она сняла кольцо с пальца и протянула его Барго. — Возьми.

Гигант отдёрнул руку, как от змеи. — Ещё чего! Я не хочу, чтобы мне выжгло мозги!

— Вот именно, — Лили снова надела кольцо. — Оно не для тебя и не для Райна. Оно даже не для магии, Барго. Ма-

гия — это просто инструмент. Как топор в твоих руках или штурвал.

Она посмотрела на север, где за грядой чёрных скал начинался Великий Океан Пепла. — Кольцо нужно не для того, чтобы швыряться огненными шарами. Оно нужно, чтобы видеть. Когда мы дойдём до Зубьев, начнётся настоящий туман. Тот, в котором сходят с ума. Где ледяные ведьмы поют голосами твоих матерей. Обычный компас там бесполезен. А это кольцо… оно покажет мне, где север. Покажет мне, где прячется страх в душе каждого матроса на этой посудине. Оно покажет мне, где вода в нашем трюме найдёт новую пробоину, чтобы мы успели её заделать.

Она сжала кулак, и золотая искра внутри кольца вспыхнула чуть ярче. — Я не украла магию, Барго. Я купила зрение. А теперь иди проверь груз. И вели откачивать воду. У нас впереди очень долгая дорога, и я хочу, чтобы к закату мы были уже в открытом море.

Барго смотрел на неё несколько долгих секунд. Он видел перед собой ту же девушку, что и три дня назад — с растрёпанными волосами, в мокрой мужской рубахе. Но что-то в ней неуловимо изменилось. С её появлением на борту, с появлением «Сердца Короля» в трюме и этого мёртвого стекла на пальце, «Легенда» перестала быть просто дырявым кечем. Она стала ковчегом.

— Как скажешь, капитан, — хрипло пробормотал Барго и, развернувшись, побрёл к лодке. Впервые за тридцать лет

морских грабежей он чувствовал себя не пиратом, а человеком, приставленным к рулю корабля-призрака, который ведёт в никуда сама Судьба.

Лили осталась одна на чёрном песке. Подняла руку с кольцом к глазам. Солнце, пробившееся сквозь остатки тумана, ударило в мутное стекло. Стекло не отразило свет. Его *поглотило*, втянуло в себя, и Лили почувствовала, как по её венам, от кончиков пальцев к самому сердцу, пробежала тёплая, щекочущая волна.

Она закрыла глаза. И мир взорвался красками.

Видела, как под землёй острова текут жилы раскалённой лавы. Видела, как в чёрной воде фьорда, на глубине ста футов, спит древняя тварь, чешуя которой отражает свет давно погасших звёзд. Она видела «Легенду» — не как груду дерева, а как сложный механизм, где каждая доска, каждый канат светились своим цветом: гнилые — тусклым серым, крепкие — здоровым зелёным. Видела Барго, идущего к лодке — его фигура была окружена алым ореолом ярости и фиолетовым облаком тупой, собачьей преданности.

А потом она посмотрела на север. Там, за сотни миль, где океан встречался с вечными льдами, она увидела *его*. Не точку на карте. Увидела сгусток абсолютного, первобытного холода. Чёрную дыру в самой ткани реальности. И из этой дыры, пульсируя в такт биению «Сердца Короля» в её мешке, тянулись к ней тонкие, серебряные нити.

Лили улыбнулась. Сделка с Райном действительно была

удачной. Она получила не просто артефакт. Она получила ключ от дверей, о существовании которых люди даже не подозревали.

Повернулась спиной к чёрному дому на скале и пошла к своей лодке. Солнце садилось, окрашивая воды Зубьев Левиафана в цвет свежей крови. Пути назад больше не было. Впереди ждала только ледяная пустота, и теперь Лили знала, что она готова в неё шагнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.